

Н. Г. Патрушева

«Мы – работники идеологического фронта»: 70 лет советской цензуры в Пермском крае: рецензия на монографию С. А. Дианова «Не политическая цензура: региональные органы Главлита в Пермском крае, 1922–1992 гг.» (Пермь, 2017)

Дианов, Сергей Александрович. Не политическая цензура: региональные органы Главлита в Пермском крае, 1922–1992 гг. / С. А. Дианов. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2017. – 194 с. – ISBN 978–5–398–01875–2.

Natal'ya G. Patrusheva

«We are workers of ideological front»: 70 years of Soviet censorship in Perm region: review on monograph «Non-political censorship: General Directorate of Literature and Publishing regional institutions in Perm region (1922–1992)» by Sergei A. Dianov (Perm, 2017)

Dianov, Sergei Aleksandrovich. Non-political censorship: General Directorate of Literature and Publishing regional institutions in Perm region (1922–1992) / S. A. Dianov. – Perm: Perm National Research Polytechnic Univ. publ. house, 2017. – 194 p. – ISBN 978–5–398–01875–2.
DOI 10.30725/2619-0303-2019-3-186-188

Изучение истории местных органов советской цензуры (их организации, деятельности и персонального состава) на материалах региональных архивов в настоящий момент – перспективное, развивающееся направление, в рамках которого работают современные исследователи.

Исследование доктора исторических наук Сергея Александровича Дианова посвящено истории советской цензуры, ее учреждений и служащих в Пермском крае. Главное достоинство работы – широкая документальная база. Автор использовал материалы фондов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, Государственном архиве Свердловской области, Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области, Государственном архиве Пермского края, Центре документации общественных организаций Свердловской области, Кунгурском городском архиве, Государственном архиве в г. Ирбите, Пермском государственном архиве новейшей истории и др.

С. А. Дианов рассматривает историю цензуры по трем основным хронологическим периодам: 1922–1945 гг.; 1946–1966 гг.; 1970 – начало 1990-х гг., каждому из которых соответствует отдельная глава монографии.

Первый период – период становления структуры цензурных учреждений, определения их функций и полномочий. Автор показывает, как проектировалась сеть «литов» и как это было организовано на практике. Трудно удержаться от сравнения с дореволюционной Россией. Функции советских уч-

реждений отличались от дореволюционных тем, что в начале XX в. в Российской империи был установлен явочный, т. е. заявительный порядок открытия заведений печати, библиотек, книжных магазинов, а в советское время вернулись к необходимости получать разрешение. В 1920-е гг. советский цензор мог самостоятельно принимать решение о приостановке деятельности издательства или о его закрытии. Что было общего? Отсутствие финансирования или его недостаточность были причиной медленного создания сети цензурных учреждений. Из-за нехватки средств часть чиновников занималась цензурой по совместительству; мизерными были расходы на командировки, хозяйственную и организационную деятельность; результаты работы оценивались по количеству запрещений. Сложность подбора кадров в цензуру объяснялась большими объемами работы, низкой оплатой труда (для рядовых цензоров) и большой ответственностью. Цензоры следили за периодической печатью, книгами, множительной техникой, библиотеками, торговыми точками и театральными постановками (прибавилось радио), пытались инструктировать своих «подопечных» – коллективы типографий, редакций и т. д.

С. А. Дианов знакомит с отчетностью цензурных учреждений: приводит количественный материал по «вычеркам» и отмечает, что их часть касалась военных и экономических тайн, меньшая – опечаток «политического» значения и искажений цитат классиков марксизма-ленинизма и вождей советского государства. В том числе в

документах обращалось внимание и на так называемые «необоснованные вычерки», т. е. на ошибки цензоров. Цензоры получали взыскания за «медленные темпы» изъятия литературы из библиотек, за нарушения инструкций, за пропуск «вредного материала» и поощрения, например, за изъятие «враждебной литературы» (с. 37).

Подчеркивается, что на начальном этапе плохо была организована система обучения цензоров. Постепенно работа налаживалась. В качестве примера автор отмечает, что уменьшение количества «вычерков» в 1940 г. по сравнению с 1939 г. объяснялось улучшением подготовки цензоров и работы с журналистами (с. 33).

Несмотря на плохую сохранность документов, автору удалось проследить количественные и качественные изменения в составе учреждений, их ведомственную принадлежность и систему иерархии, сравнить положение Пермского края с другими регионами.

Отдельный параграф посвящен цензуре в период Великой Отечественной войны. Отмечено, что 80% сотрудников Пермского обллита ушли на фронт. Некоторые цензоры переводились на должность редакторов газет. С. А. Дианов подчеркивает, что главной проблемой стали новые неподготовленные кадры, которым было трудно справиться с работой, а основной задачей было не пропустить в печать сведения, составлявшие гостайну.

Говоря о послевоенном устройстве цензуры, автор обращает внимание на то, что реорганизация была направлена на сокращение штатов непосредственно учреждений цензуры с делегированием их полномочий редакторам периодических изданий. Кроме того, все больше цензурный контроль забирали себе партийные органы.

Характеризуя цензорский корпус конца 1950-х – середины 1960-х гг., С. А. Дианов отмечает, что постепенно цензоры становились все образованнее. Большое значение придавалось опыту комсомольской и партийной работы. Будущий цензор должен был получить рекомендацию от местного партийного комитета и допуск к секретной работе от областного управления МГБ СССР. В 1953 г. Совет Министров СССР принял постановление, которое должно было сделать эффективной систему отбора кандидатов на должность – только из «ответственных работников аппарата райисполкома или райкома КПСС» (с. 57). Постепенно налаживалась система обучения «литовцев», которая включала семинары по изучению политического и экономического развития Молотовской (Пермской) области, производственные совещания, инструктажи с изучением «Перечня» – документа, содержавшего основные сведения, запрещенные к публикации в открытой печати, разбора ошибок и решения практических задач.

Удалось реконструировать биографии некоторых цензоров, проследить их путь в цензуру. Отмечено, что цензоры, проработавшие в цензуре долгое время, в 1960-е гг. получали персональные пенсии. На смену им пришла 30-летняя молодежь с высшим техническим образованием. В отчетном докладе за 1982 г. начальника Пермского обллита Р. П. Голицыной провозглашалось: «Мы – работники идеологического фронта, оберегаем и защищаем интересы государства» (с. 120).

На основе документов автор показывает, что в послевоенный период главное внимание было обращено на проверку фондов библиотек (за вторую половину 1948 г. было изъято из книгохранилищ Перми 11 463 экз. книг). Уничтожали «идеологически вредную литературу» по спискам, присланным из Главлита, называя это «почетной работой» (с. 54).

Незначительные цифры запрещений по политическим мотивам автор объясняет многоступенчатостью цензуры. Во-первых, самоцензурой (из-за опасения серьезных репрессий); во-вторых, различными инстанциями, бравшими на себя цензурные функции; в-третьих, ограничением прав (например, разрешение на изготовление портретов руководителей государства в Перми имело только отделение Художественного фонда СССР) (с. 74–77). Таким образом, постоянный предварительный контроль обеспечивал минимум последующих запрещений.

Вечный вопрос: «Благодаря или вопреки цензуре появилась великая русская литература?» автор решает так: он считает, что благодаря тому, что политический контроль не приводил к полному запрету произведения, а только изымал места, «искажающие советскую действительность», «безыдейные» сюжеты, «протаскивание» в литературу «антисоветских взглядов», разрешительные санкции обкома КПСС, которому принадлежало решающее слово, позволили многим начинающим местным писателям творить и получить признание. Например, В. П. Астафьеву, О. К. Селянkinу, В. И. Радкевичу и др. (с. 80–81, 86).

С. А. Дианов спорит с исследователем советской культуры Е. М. Раскатовой о месте Главлита в «контрольно-идеологическом треугольнике ЦК КПСС–Главлит–КГБ». Он считает, что Главлит не входил в «советскую властную систему», и «несмотря на требования руководства Главлита СССР „усилить политико-идеологическое“ направление деятельности, следует констатировать, что год от года вмешательства пермских „литовцев“ по „политическим“ мотивам становились все реже» (с. 107, 109).

В числе особенностей последнего периода существования цензуры в Советском Союзе с 1970-х гг. С. А. Дианов обращает внимание на сокращение объема работ в «литах» – цензура и строгая персональная ответственность пере-

давалась редакторам. Регулярно принимались постановления «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» (с. 117). В одном из таких постановлений 1969 г. подчеркивалось, что все возникавшие при предварительном контроле вопросы идейно-политического характера должны были рассматриваться на уровне руководителей Главлита, издающих организаций и органов культуры, а замечания – доводиться до автора без ссылки на цензуру (с. 117). Наблюдалось укрепление связей обллита с Управлением печати Пермского облисполкома. В этот период почти все цензоры были членами партии. Автор постоянно подчеркивает, что вмешательство политического характера цензоры использовали очень редко.

Заканчивается книга описанием последних годов существования цензуры и ликвидации пермского учреждения, которая ознаменовалась сожжением большей части секретных документов (с. 132).

В Приложениях публикуются ценные материалы по истории Пермских цензурных учреждений и их персональному составу, руководящие документы, интервью 2013 г. с В. М. Ширинкиным – начальником Пермского обллита и с сотрудником «лита» Н. Н. Куликовой, подготовленные автором. К сожалению, в книге нет указателя имен.

В исследовании на широком круге источников воссоздана история существования цензуры в Пермском крае за весь советский период. Одна из главных идей С. А. Дианова состоит в том, что политическая цензура в стране «всецело была сосредоточена в руках властной элиты, и в случае с органами Главлита имеет смысл говорить лишь о делегировании им отдельных полномочий при условии строгого исполнения руководящих предписаний, исходящих „сверху“» (с. 139). Автор постоянно отмечает малое количество запрещений политического характера, сделанное пермскими цензорами. Так, например, он пишет, что в 1977 г. «только одно вмешательство было сделано „по политмотивам“» (с. 117).

Возвращаясь к дореволюционной цензуре, обратим внимание на то, что в официальных документах XIX в. соотношение запрещенных материалов с вышедшими в свет и попавшими к читателю называлось «относительной строгостью цензуры». Этот показатель всегда был невелик, потому что существовала масса способов не пропустить в печать нежелательный материал. Исследователь российской внутренней политики П. А. Зайончковский подчеркивал, что наибольшее количество взысканий печать получала именно в периоды относительной свободы, когда становилось возможным более открыто высказывать свои взгляды,

и наоборот, уменьшение количества наказаний падает на периоды реакции, когда практика применения цензурного закона ужесточалась, и «вредные» материалы не могли появиться в свет, поэтому и уменьшалось количество репрессий.

С. А. Дианов сам предлагает обратить внимание на слова замначальника Главлита Ю. М. Отрешко (1970-е) о том, что «цензура не запрещала антисоветчины», потому что ее никто не пытался печатать (с. 126). Именно поэтому в Перми не было запрещений по политическим мотивам. Система работала на опережение.

Не согласимся, что нахождение цензуры в начальный период в системе Наркомпроса позволяет утверждать отсутствие задач по политическому контролю. В первой половине XIX в. в России цензура также находилась в ведении Министерства народного просвещения, и задачи ее были отнюдь не просветительские.

Странно стремление автора назвать деятельность цензоров непременно как неполитическую, когда документы, приводимые им в книге, говорят об обратном. Цитируя источники, автор пишет, что «все усилия пермских цензоров были направлены на предотвращение нарушений по двум основным параметрам: перечневому и политико-идеологическому» (с. 63); «Перечневый параметр в условиях авторитарного режима тесно переплетался с политико-идеологическим» (с. 73). Далее: «В деле политического контроля „литовские“ структуры руководствовались директивными указаниями высших партийных и государственных органов и ведомственными документами: например, циркулярными письмами Главлита „Об усилении политико-идеологического контроля произведений печати“ 1951 г.» (с. 73). «В 1959 г. возглавлявшей Управление по охране военных и государственных тайн в печати при Пермском облисполкоме О. А. Нефедовой руководством Главлита была поставлена задача „обращать больше внимание на политико-идеологический контроль“» (с. 100).

Безусловно, военная тайна важна для любого государства, но существование спецхранов характеризует его строй. Отсутствие в открытой печати информации о природных и технических катастрофах, самоубийствах, преступлениях не означает, что их не существовало. Всеохватывающий, многоступенчатый политико-идеологический контроль со стороны идеологических структур партии и подчиненных ей всех государственных учреждений и общественных организаций, пронизывавший все сферы деятельности, постепенно становился привычным и незаметным для большей части населения. Пусть «проницательный читатель» (как говорили в XIX в.) сделает выводы сам.